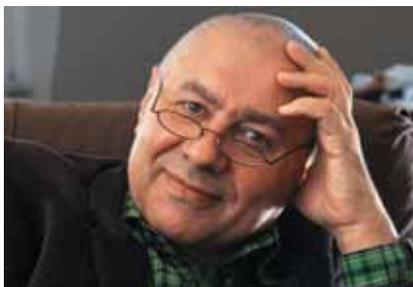

От УПРАЗДНИТЕЛЯ к УПРАЗДНИТЕЛЮ? Табу на «русское» и либидо российской демократии

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Только недавно Дмитрий Медведев говорил о России как о «молодой стране», которой всего двадцать лет. Шквал недоумения и возмущенных окриков показал Президенту, как плохи дела с памятью у молодых наций.

В 2011 году — году российских юбилеев, бессмысленных и беспощадных, — юбилей Бориса Ельцина — первый. Президент-учредитель новой России уходит в прошлое непонятым. Борьба оценок вокруг него полярна, как при его жизни. Действительно, политический Ельцин необъясним, когда зачем-то взламывает ситуации, кажущиеся нам политически управляемыми. При ельцинском отменном чутье, зачем он так «пережимал»? Из-за чего Ельцин был столь избыточно конфликтен и инициативен?

Версией о борьбе «царя Бориса с коммунистическим тоталитаризмом» — применительно к суперлиберальному горбачевскому СССР! — следует пренебречь. Тоталитаризм упразднил Михаил Горбачев, а не человек из Свердловска. Еще нелепей льстивые комиксы с Ельциным-Сантой, «подарившим нам всем свободу»: потолок личной неприкосновенности был достигнут в позднесоветском обществе конца 1980-х, и с тех пор, увы, только понижался.

И все-таки Ельцин — этот «ужасающий русский» — разрушал что-то прочное. Но что именно? Предмет борьбы остается неясным, более того — анонимным. Но у этой анонимности есть актуальная подоплека: русский вопрос, остающийся «большой грязной тайной» даже в национальной России и ее политическим либидо.

Вместо нации — «**многонациональный народ**». Двадцатилетие конца СССР — в 1991 году вынудившего Россию к реальному, а не декларативному самоопределению — юбилей, травмирующий национальную гордость. Шрам от травмы сохраняет преамбула Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Не нация, а именно «многонациональный народ».

Термин взят из советского дискурса, а смысл его ныне полузабыт. По замыслу Сталина, русским запрещалось оформиться в политическую нацию. Передав «великое прошлое» Союзу ССР, русская история провозглашала собственный конец, с октября 1917 года национальное становилось советским. Отныне *многонациональный советский народ* строил *мировое коммунистическое общество* в *отдельно взятой стране*, сложенной из *национальных республик*. Главной республикой была Российская Федеративная Республика, но ее, и только ее, запрещалось трактовать как *национально-русскую*. Впрочем, и оспаривать русскость было запрещено: оба уклона относились к *антисоветчине*.

Российское общество сохраняет сталинское двойное табу на «русское». В национальном государстве Россия источником власти стал многонациональный народ России, не являющийся конечно *нерусским народом* — но и *ни русским*. «Дорогие россияне!» — на днях Путин впервые напомнил стране это любимое Ельциным обращение.

Русский вопрос в новой России отделен от государства и выведен за рамки вопроса о демократии. Дебаты о демократии в России изначально отделены от вопроса национальной идентичности. Вопрос о *политической нации* и вопрос о *политической власти* — разорваны. Но каково будущее демократии в стране, где 80 процентов граждан отнесены к политически непризнанной нации?

Самосегрегация? Демократическая идентичность Российской Федерации официально подтверждена, будучи конституционно обособленной от русского народа. Идя голосовать, русский избиратель политически «забывает» о национальной идентичности. Выбирая власть, русский народ (80 процентов населения страны) сам себя сегрегирует по национальному принципу. Чтобы сформировать демократические институты, он анонимизируется, «распублицивается», и на избирательные участки отправляется толпой фольклорных индивидов. Проголосовав за государство, толпа расходится по квартирам и ансамблям художественной самодеятельности.

Русские табу. Табу на русское в новой России не формальный запрет, а сумма уверток от уточнения политической идентичности. Запрет на политическое — не этническое! — определение русской нации ослабляет тему конституционной идентичности государства в целом. Мы вынужденно переводим нацию в уклончивые эвфемизмы — «население», «электорат». Избиратели формируют власть в общенациональном голосовании — избирая президента и федеральное собрание. Но они это делают *не как нация, а в составе неких административно-этнических или административно-территориальных курий — субъектов Федерации*. Место власти отделено от места нации и возвышается над хаосом «многих национальностей». Таким образом, поле формирова-

ния власти в новой национальной России, само национально, неопределимо!

В русских землях с русским в основном населением ничему русскому не придается политического статуса — в отличие от «татарского», «башкирского» и «тувинского» в соответствующих этнопубликах. **Русская политическая культура — республиканка.** Она сопротивляется этнификации, однако политически она — не признается.

«**Русский анонимайзер**». Русские свободны участвовать во власти, и они в ней участвуют. Но не публично, а политически анонимно. Этот «**национальный анонимайзер**» обращает русских в теньевую нацию, в многомиллионное «масонство». Русские не устранены от власти, но неразличимы при ее формировании.

Прежде русские обитали в порах тоталитарной системы, и теперь также точно они «проникают» в демократическую. Контент политической русскости исчерпывается квотой привластности. Они входят в свое государство не как русские, а как «не-татары» и «не-чеченцы». Реально заполняя кадры и поры аппарата власти, они «проникают», «просачиваются» анонимно, оставляя неопределенную «русскость» в частной сфере. Не обретая конституционной идентичности, они приобретают властную лояльность — государственных, «служивых» людей. Привластность становится субститутом национальной идентичности, и ее эрзацем.

Вымарывание республиканского опыта. Воспоминания о «великом русском прошлом» — не политическая история нашей демократии, а всего лишь *политический фольклор*. Дебаты о русских делах — не политические дебаты, а факультативно культурнические — о «качестве обучения русскому языку», о «русском театре и фольклоре», о «русском Нечерноземье». Естественно, что тезис «русская власть» квалифицируется как экстремистский — для притязаний фольклора на власть нет конституционных оснований.

У нас мощная политическая история. Однако русская история не

рассматривается как **политически русская** — актуальный опыт в основании нашей модели демократии. Деполитизированная, русская история не может транслировать национальный опыт (включая **русский республиканский опыт!**), она интеллектуально оскудевает. Подобно большому сознанию, она распалась на конфликтующие фрагменты — имперские, большевистские, позднесоветские, послебеловежские. Вне колоссального русского республиканского опыта демократия в России выглядит как простой каприз обстоятельств (то ли недопотребления в СССР, то ли недомыслия Горбачева, то ли «американских происков»). Вне русской истории Вторая российская республика лишена политической традиции и исторических оснований.

Национальный язык... какой нации? Русский язык является государственным языком, это его конституционное и политическое определение. Но чей это язык, какой нации? Кто его генерирует — все граждане России на равных правах? Татары, калмыки, русские и якуты? Но ведь русские не должны генерировать норм калмыцкого языка. В стране официально нет нации, являющейся автором-носителем официального — русского языка! То есть, внутри нашей политической системы структуры русского опыта остаются негосударственными даже там, где определен их конституционный статус. Что за странный парадокс! Неужели демократическое развитие России требует, чтобы русские — и только они одни, — не имели признанной политической определенности? Чтобы русский язык, официально являясь государственным языком, умалчивал о своем носителе? Таким ли путем достраивать российскую политическую нацию?

Российская нация — субститут русской? Ельцин слово «нация» не любил. В официальных выступлениях лишь недавно появился тезис о России как демократической политической нации. (**Понятие нации официально реабилитировал Путин в 2002 году**). «Многонациональный народ Российской Федерации» теперь расшифровывают как метафору *российской политической*

нации. Дебаты о демократии в национальной России неизбежно становятся интенсивней. Но могут ли они стать политическими, исключая национально-демократическую определенность большинства граждан — русских? Они различаются лишь версиями управления и предлагаемыми технологиями власти. Ни в одном из этих вариантов нет технологии русской нации — место пусто. Должен ли русский народ вести анонимную жизнь внутри государственной машины российской политической нации лишь потому, что не изобрел национально устойчивую государственную оболочку?

Что там у нас с лояльностью?

Национальная идентичность в новой России является отложенной катастрофой для ее демократии. Это идентичность постфактум, налагаемая на этничность извне, и ей в сущности безразличная. Отделение идентичности от конституционности ведет к тому, что и **лояльность не является конституционной**. Лояльность — за пренебрежимым исключением группы «идейных охранителей» (к которым относится автор) — стала этнически обусловленной солидарностью в российских этнореспубликах, и частным делом — для русских. Такая лояльность больше похожа на конформизм. Она непревращаема в **конституционную лояльность — лояльность как ценность**, как свободный выбор гражданина в демократическом государстве.

Рискованная, плохая основа демократического будущего. Недаром хулиганство на Манежной площади застало Россию врасплох. Цена этого такова, что никто не может *политически определить* в качестве русских. Обособленная от основной национальной общины страны, российская демократия превращается в генератор непубличной нелояльности. Это фатально сжимает домен *ответственной публичной политики*. Оттого Вторая российская республика, даже укрепляясь, живет в вечном тайном страхе, ожидании своего «*Упразднителя*». А тот опять выйдет из анонимной нации, из непризнанных русских. Откуда вышел великий Ельцин — русский упразднитель СССР. ■